

но и самой добродетелью. И видя, как добродетель эта светится сквозь совершеннейшую на земле оболочку, я хочу служить ей и чтить ее всю мою жизнь, забыв всякую другую любовь, ибо та и суетна, и порочна.

Дама, довольная тем, что слышит, и восхищенная его признанием, искусно сумела скрыть свой восторг и только сказала:

– Монсеньор, я не хочу вдаваться в глубины теологии, но я больше склонна бояться зла, чем верить в добро, и поэтому молю вас – не произносите при мне речей, унижающих женщин, которые верили когда-то вашим признаниям. Мне хорошо известно, что, будучи Женщиной, я, так же как и все остальные, весьма далека от совершенства, и было бы справедливо, чтобы добродетель преобразила меня по своему подобию, вместо того чтобы принимать мой облик. Это может ей пригодиться только тогда, когда она захочет остаться в этом мире неузнанной, ибо во мне никто не познает ее истинное лицо. Но даже будучи столь несовершенной, я, однако, питаю к вам чувства, какие позволено питать женщине, которая живет страхе божьем и дорожит собственной честью. Но я выкажу вам их только тогда, когда сердце ваше смирится будет терпеливо ждать, как того требует добродетельная любовь, Я и сейчас уже знаю, какие слова должна обратиться к вам, но поверьте, что сами вы не любите так себя, свое благо и свою честь, как люблю их я.

Сеньор д'Аванн робко, со слезами на глазах стал умолять, чтобы она скрепила свои слова поцелуем. Но она отказалась, ответив, что ради него не нарушит обычая, принятого в стране. В самый разгар их спора явился ее уж. Сеньор д'Аванн сказал ему:

– Отец мой, я так привязан к вам и к вашей супруге, что прошу вас навеки считать меня вашим сыном.

Богатый дворянин обрадовался и сказал ему, что сам того хочет.

– И чтобы это всегда было так, – продолжал сеньор Аванн, – позвольте, я вас поцелую.

И они поцеловались, после чего сеньор д'Аванн продолжал:

– Если бы я не боялся нарушить приличия, я поцеловал бы и вашу супругу, мою названую мать.

Богатый дворянин тут же приказал жене поцеловать молодого сеньора, что она и сделала, ничем не выдав, приятно ей или нет было выполнить это приказание. И пламень, который слова этой дамы зажгли в сердце влюбленного, начал разгораться после этого столь желанного для него поцелуя, в котором она только что так жестоко ему отказала.

После чего сеньор д'Аванн отправился в замок повидать брата своего, короля, и рассказывал там много всяких небылиц о своем путешествии в Монсеррат. И он услышал, что брат его, король, собирается ехать вместе с ним в Олиту³³⁵ и Таффалу,³³⁶ и решив, что путешествие это займет много времени, впал в такую печаль, что стал подумывать о том что, быть может, если он попытает счастье еще раз, добродетельная дама окажется к нему более благосклонной, чем была. И он поселился в Памплоне на той же самой улице, где она жила, и снял себе там старую деревянную лачугу. А около полуночи он поджег свое жилище. В городе поднялся шум, и в доме богатого дворянина очень скоро узнали о том, что случилось. И когда хозяин дома, выглянув в окно, спросил, где пожар, ему ответили, что он вспыхнул в доме, где поселился сеньор д'Аванн. Тогда он тотчас отправился туда, прихватив с собой всех своих слуг, и нашел молодого человека на улице в одной рубашке. Он проникся к нему великой жалостью, обнял его и, укрыв своим плащом, привел его к себе домой, сказав жене, которая лежала в постели:

– Дорогая моя, я привел к тебе пленника, принимай его так, как ты приняла бы меня.

Не успел он уйти, как сеньор д'Аванн, которому только и хотелось, чтобы она приняла его, как мужа, прыгнул к ней в кровать, надеясь, что такое поистине счастливое обстоятельство заставит добродетельную даму изменить своему обычаю. Однако расчеты его не оправдались: как только он кинулся к ней в кровать, она выскочила с другой стороны и мгновенно накинула платье. И, уже одетая, подошла к изголовью кровати и сказала:

– Неужели вы думаете, монсеньор, что обстоятельства могут поколебать мою добродетель? Так знайте, точно так же, как золото испытывается огнем горна, так и целомудренное сердце, когда его искушают, набирается от этого еще большей силы, чтобы справиться с искусом, и любовь

³³⁵ *Олита* – город в Наварре; в описываемую эпоху принадлежал Испании.

³³⁶ *Таффала* – небольшой город недалеко от Памплоны.